

Филевский Иоанн Иоаннович

**Учение православной церкви
о священном предании**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
И75

И75 **Иоанн Иоаннович Ф.**
Учение православной церкви о священном предании / Филевский Иоанн
Иоаннович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 730 с.

ISBN 978-5-521-28238-8

ISBN 978-5-521-28238-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВВЕДЕНИЕ.

«Да разумнѣши, о ниже научилъ еси словеса, утверждение» (Лук. 1, 4).

Въ каждой наукѣ, имѣющей предметомъ своимъ разработку той или другой отрасли человѣческаго знанія и жизни, мы встрѣчаемъ на первомъ мѣстѣ особое ученіе о такъ называемыхъ *первыхъ источникахъ*, о коренныхъ гносеологическихъ принципахъ, нормахъ и методахъ, необходимыхъ для надлежащаго пріобрѣтенія и вѣрнаго сохраненія истинно-научныхъ свѣдѣній въ извѣстной области. Это ученіе, безспорно, имѣетъ «основоположительное значеніе» и первостепенную важность. Здѣсь именно прочно устанавливаются и непоколебимо утверждаются всѣ главнѣйшіе научные выводы, всѣ несомнѣнные научныя доказательства и свидѣтельства непрерываемой истинности и исторической достовѣрности извѣстныхъ научныхъ положеній и началъ. Источники и принципы, нормы и методы научныя составляютъ, такъ сказать, «реально-гносеологическую основу» всѣхъ прочихъ научныхъ данныхъ, относящихся къ извѣстной области знаній. Это суть какъ бы стѣны основныхъ научныхъ истинъ въ ихъ существѣ и «доктринальномъ изложеніи». При помощи ихъ извѣстныя научныя построенія изъ туманной области бытія и знанія, изъ не рѣдко шаткихъ гипотезъ и субъективно-аналогическихъ умозаключеній постепенно переходятъ въ истинныя убѣжденія «аксіоматическаго знанія», всеобщаго и необходимаго. Безъ нихъ, слѣд., не мыслимо и не возможно никакое *положительно-научное познаніе*. Поэтому всѣ науки дорожатъ своими гносеологическими источниками и началами, какъ опорными пунктами и исходными точками своего историко-культурнаго существованія и развитія. Для истинно-научнаго знанія тщательное исканіе этихъ источниковъ и основъ всегда должно служить предметомъ высочайшей важности. Въ дѣлѣ научныхъ познаній, тѣмъ выше превосходство предмета розыскиванія, тѣмъ глубже интересъ, тѣмъ пламеннѣе изслѣдованіе и тѣмъ дороже для ума пріобрѣтеніе желаемой истины.

Первоначальныя научныя источники и гносеологическія основанія тѣмъ существенно отличаются отъ прочихъ научныхъ нормъ и способъ познанія, что ихъ внутренняя истинность и историческая досто-

нѣрность должны быть *очевидными и ясными* и не требовать еще какихъ-либо другихъ «предварительныхъ» или вспомоgetельныхъ свидѣтельствъ и удостовѣреній. Въ этомъ смыслѣ они обыкновенно называются недоказуемыми, *indemonstrabilia*, ἀδεδεικτα 1). Имъ все научно оправдывается, сами же они не могутъ быть ничѣмъ доказаны. По такому свойству ихъ существеннымъ признакомъ всякой истинно-научной дѣятельности должно быть *положительное знаніе* какъ въ вопросахъ, касающихся систематическаго изслѣдованія всего матеріала, подлежащаго разумному пониманію, такъ и относительно методологическихъ способовъ передачи его другимъ людямъ. Отсюда само собою разумѣется, что кто не имѣетъ или не можетъ приобрести истинныхъ понятій о первыхъ источникахъ и основныхъ гипсеологическихъ началахъ научнаго знанія, того трудно увѣрить въ извѣстномъ научномъ положеніи, убѣдить въ полной достовѣрности извѣстнаго научнаго вывода или логическаго умозаключенія. «Съ глухими разглаголосьво есть многотрудное: вся бо яже аще къ нему возглаголещи, не слышнѣтъ» 2). А кто совершенно отвергаетъ необходимыя во всякой наукѣ коренныя источники и принципы, или совсѣмъ сомнѣвается въ ихъ внутренней истинности и самоочевидности, или же рѣшительно извращаетъ ихъ общечеловѣческій смыслъ по своимъ «предвзятымъ идсамъ», съ тѣмъ нельзя вести никакихъ научныхъ занятій, «нечего и спорить» по научнымъ вопросамъ 3). «Сумняйся угодбися волненію морскому вѣтры возментаему и развѣваему» (Іак. 1, 6). Для безотчетнаго скептика, руководимаго «произвольными предположеніями и фантастическими пллюзіями», все въ области извѣстной науки будетъ казаться неосновательнымъ, недоказаннымъ, произвольно-гипотетическимъ, суетнымъ. Сомнѣвающійся искатель мнимо-научной истины всегда съ унылымъ отчаяніемъ будетъ спрашивать, подобно цинически-равнодушному эцикурейцу Пилату: «что есть истина» (Іоан. 18, 38)? Такой скептицизмъ, составляющій только злоупотребленіе великимъ именемъ свободы человѣческаго мышленія, въ сущности дѣла уничтожаетъ самый вопросъ о необходимости и важности положительнаго знанія, о его общечеловѣческомъ значеніи и культурно-историческихъ задачахъ. Здѣсь не откуда вѣзаться яснымъ и твердымъ взглядомъ на тотъ или другой научно-философскій вопросъ, негдѣ найти и точекъ опоры для приобретанія творческихъ силъ, создающаго вдохновенія и нравственной энергіи, столь нужныхъ во всякой научной дѣятельности. А что можетъ быть безотраднѣе такого пагубнаго «душевнаго настроенія въ дѣлѣ научнаго знанія»? Люди, находящіеся въ состояніи мрачнаго сомнѣнія въ вопросахъ

1) См. у преосв. *Геофана Проконовича*, *Christianae orthodoxae Theologiae*, vol. 1. Lips. 1787, § 16, pag. 11.

2) Высок. пр. *Стефанъ Яворскій*, Камень вѣры, Москва 1843 г., ч. 3, стр. 1.

3) Преосв. *Геофанъ Проконовичъ*, *ibidem*.

о возможности и необходимости истинного научного познания, конечно, волены блуждать по всяческимъ распутіямъ «*лажементнаго разума*» (1 Тим. 6, 20), «*власящая и скитающаяся всякимъ стыромъ ученія*» (Еф. 4, 14); но они не имѣютъ никакого права совершенно отрицать научные источники, основаначала и аксіомы въ ихъ идеальномъ понятіи и въ реальной дѣйствительности. Всякая наука, всякая научная система истинныхъ знаній, само собою ограничиваетъ нашу умъ, нашу познавательную дѣятельность, строго-опредѣленными источниками, принципами и нормами, точно указанными и ясно-дознанными «гносеологическими и методологическими предѣлами». Но отсюда, очевидно, нисколько не слѣдуетъ, чтобы люди науки, мужи ученые, становились чрезъ то «интеллектуальными невольниками», а, напротивъ, только при такомъ условіи они дѣйствительно свободны и искуплены, разъ навсегда, отъ различныхъ сомнѣній, обольщеній, заблужденій и мнимонаучныхъ суевѣрій. Если абсолютная истина есть конечная цѣль и жизненная задача, то тщательное изслѣдованіе ея источниковъ и первоосновъ есть единственное средство постигнуть ее. Истинно-научное знаніе есть прекрасный плодъ умственной работы, необходимая пища, истинное наслажденіе. Умный человѣкъ соразмѣряетъ свои завѣтныя убѣжденія съ существомъ абсолютной истины, открывающейся въ ея научныхъ источникахъ и основаначалахъ.

Итакъ, для правильности и плодотворности научныхъ изслѣдованій въ извѣстной области человѣческихъ знаній необходимо прежде всего истинное понятіе о самомъ существѣ первыхъ источниковъ и принциповъ, изъ которыхъ естественно почерпается «научный матеріалъ» для надлежащей разработки и изложенія его въ стройной и цѣлостной системѣ. Нѣтъ надобности распространяться здѣсь о существенныхъ свойствахъ научныхъ доказательствъ и выводовъ, извлекаемыхъ изъ правильнаго ученія о самой природѣ первоисточниковъ научнаго знанія. Достаточно сказать, что безъ этого непремѣннаго условія нельзя получить надлежащей достовѣрности для всяческихъ научныхъ положеній. Не точное или смутное научно-гносеологическое знаніе легко превращается въ какое-либо темное суевѣріе, либо въ субъективное заблужденіе. При недостаточно ясныхъ свѣдѣніяхъ по научно-гносеологическимъ вопросамъ не можетъ быть истинно-научныхъ взглядовъ, положительныхъ свидѣтельствъ, несомнѣнной увѣренности, непререкаемой «правды научной». Да и какъ можно ожидать правильно-составленныхъ, научно-провѣренныхъ понятій и убѣжденій тамъ, гдѣ нѣтъ должнаго ученія о самыхъ источникахъ и руководительныхъ началахъ, изъ которыхъ *планомерно раскрывается* полнота и совершенство научнаго знанія и *постепенно критично* историко-культурная сила его общечеловѣческаго значенія и авторитета? Только истинное познаніе научныхъ первоначалъ и глубочайшихъ основъ изго-

ниетъ всякій произволъ, разсѣиваетъ всяческія противорѣчія и несогласія и неизбѣжно устанавливаетъ безпрекословное для всѣхъ людей *послѣдованіе единой истинѣ*, всецѣлое повиновеніе ея верховной и могущественной власти. Здѣсь звучитъ намъ глаголѣ Господень: «*истина свободитъ ны*» (Іоанн. 8, 32).

Подобно тому, какъ *естественныя науки* имѣютъ свои первые источники и коренныя начала, всецѣло удостоверяющіе на безспорныхъ основаніяхъ «аподиктическую истинность» своихъ положеній и выводовъ, и для *сверхъестественнаго христіанскаго откровенія* въ его ученіи и жизни необходимо должны быть свои вѣчные и неизмѣняемые источники, свои неизмѣнныя и неизмѣнимыя первоосновы, всеобщія начала, необходимые принципы. И они дѣйствительно существуютъ въ истинно-православной церкви—въ *священномъ преданіи* и *священномъ писаніи*⁴⁾. Здѣсь единственно православно-христіанская вѣра и истинно-богословское знаніе (въ ихъ неразрывномъ взаимодействіи) должны всегда почерпать все богатство своего спасительнаго содержанія, всѣ глубочайшія основанія своей догматической истинности и исторической достовѣрности. Внутреннее существо, догматическая истина, историческое происхожденіе и всецерковное утвержденіе *божественнаго откровенія*—все это во всей полнотѣ и совершенствѣ свидѣлствуется и раскрывается только въ *преданіи* и *писаніи*. Помимо ихъ нѣтъ никакой надобности искать какихъ-либо другихъ источниковъ и доказательствъ богооткровенной истины и христіанской жизни по ней. На нихъ однихъ всѣ богословскія науки должны непоколебимо опираться въ своихъ изслѣдованіяхъ частныхъ и общихъ вопросовъ; ибо они само собою предполагаются, какъ *напередъ данныя* «постулаты и гносеологическія аксіомы» при всякой научно-богословской работѣ, будутъ ли предметомъ ея вопросы догматическіе, нравственныя, каноническіе, церковно-историческіе и проч.

Подобно тому, какъ никакая наука не мыслима безъ «предварительнаго изслѣдованія гносеологическихъ вопросовъ», такъ невозможно и *истинно-богословское отдѣленіе христіанскаго откровенія* (въ его ученіи и жизни) безъ допущенія этой *primaria veritas* въ вопросы о его первыхъ источникахъ и гносеологическихъ нормахъ. Откровенное ученіе достойно самаго безпристрастнаго изслѣдованія въ своемъ существѣ и существенныхъ свойствахъ, и не требуетъ отъ науки ничего болѣе. Оно не колеблется вызывать къ «научному разуму» и, предлагая ему свои истины, свои источники, свои доказательства, требуетъ самаго серьезнаго научнаго испытанія, «*да искусни явлени бывають*» (1 Кор. 11, 19) между нами. Ему нечего бояться такого изслѣдованія. «*Испытанная вѣра*»

⁴⁾ Для краткости будемъ вездѣ писать вмѣсто: «священное преданіе» просто—«*преданіе*» и вмѣсто: «священное писаніе»—«*писаніе*» (=библія).

(1 Петр. 1, 7), подкреплена разумными убеждениями, при живой уверенности в откровенной истинѣ, становится творчески-могущею силою, чистымъ источникомъ вдохновенія, глубокимъ корнемъ вѣхъ «научныхъ плодовъ». Здѣсь «первостепенная» жизненная задача истинно-научной дѣятельности должна состоять въ отысканіи, въ правильной постановкѣ и точномъ опредѣленіи основныхъ понятій о самой природѣ богооткровенныхъ источниковъ. Христіанская *религіозная вѣра*, по самому существу своему, есть прежде всего несомнѣнная *уверенность* (Евр. 11, 1) въ божественномъ достоинствѣ источниковъ откровеннаго ученія, въ ихъ догматической истинности и исторической достовѣрности. Вѣра всегда спрашиваетъ: «откуда идетъ извѣстное религіозно-нравственное ученіе и гдѣ находится оно», а потомъ уже производитъ богословское изслѣдованіе его. Въ дѣлѣ научнаго раскрытія и утвержденія божественнаго откровенія она всегда ставитъ вопросъ: *кто* именно, *какой* авторитетъ сообщалъ его, *когда* и *откуда* оно происходитъ? Она всегда вопрошаетъ: *гдѣ* должно искать откровенную истину? Значитъ, истинно-научное знаніе христіанскаго откровенія прежде всего убеждаетъ насъ во внутреннемъ достоинствѣ авторитета, сообщающаго извѣстную религіозную истину, въ достовѣрности источниковъ и органовъ ея исторической передачи и сохраненія. После же того, какъ найдены и прочно установлены источниками первоначала и основы христіанскаго откровенія и вѣры, дальнѣйшая задача науки должна заключаться въ методологическомъ раскрытіи цѣлой системы богооткровеннаго ученія. Итакъ, съ этой стороны богословскій вопросъ о божественномъ откровеніи, въ сущности, долженъ сводиться къ истинному ученію о его первыхъ источникахъ и основаніяхъ, изъ которыхъ логически и реально вытекаютъ и на которыхъ опираются всѣ общепризнанныя православно-церковныя понятія о вѣрѣ и жизни по ней. Вотъ почему и нѣтъ предмета большой важности для богословской науки, какъ обстоятельное изслѣдованіе источниковъ и истинъ христіанскаго вѣроученія. Приобрѣтаемое такимъ путемъ знаніе, безъ сомнѣнія, «подобно сокровищу, скрытому на полѣ, которое нашедши человекъ утаилъ» и «драгоценной жемчужинѣ, которую купецъ, найдшии, пошелъ и продалъ все, что имѣлъ, и купилъ ее» (Мат. 13, 44—46).

Не трудно видѣть, что при недостаткѣ подлежащей ясности и полноты въ дѣлѣ познанія источниковъ христіанскаго откровенія происходятъ всевозможные религіозно-нравственные предразсудки и заблужденія. Ложныя мнѣнія и всяческія погрѣшности, какого бы предмета онѣ ни касались, всегда являются неизбежнымъ слѣдствіемъ нераздѣльнаго, либо смутнаго представленія о немъ. Истинна научныхъ понятій по религіозно-гносеологическимъ вопросамъ, умѣнье раскрывать по руководству ихъ систематически-стройную нить богословскихъ понятій о вѣрѣ—вотъ что составляетъ коренное свойство *православнаго міросозерцанія*; и, наобо-

ротъ,—отсутствію или недостатокъ этого постоянно и всюду производить нелѣпые сектантскіе вымыслы и религіозно-сектантское невѣжество касательно основныхъ истинъ вѣры и правилъ нравственной жизни. Незнание, малознание и вообще «превратное пониманіе» источниковъ христіанскаго откровенія и глубочайшихъ основаній ихъ догматической истины и исторической достовѣрности естественно порождаютъ ложные религіозно-нравственные взгляды и убѣжденія. Тогда догматико-гносеологическое ученіе заимствуется изъ источниковъ не всегда чистыхъ и высокихъ, а сомнительныхъ и «завѣдомо ложныхъ», тенденціозныхъ... Въ превратныхъ взглядахъ на источники и нормы христіанскаго откровенія и вѣры лежитъ главнѣйшая причина пагубныхъ религіозно-нравственныхъ суевѣрій съ ихъ многоразличными видами и подраздѣленіями,—встрѣчающихся въ различныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданіяхъ и сектахъ, странно превращающихъ у себя единое божественное ученіе въ «хаотическую муть» сектантскихъ криво толковъ. Не здѣсь ли, напр., лежитъ «горькій корень» римскаго католичества и протестантизма съ ихъ отличительными особенностями? Не отсюда ли возникаютъ и такъ быстро распространяются въ наше «смутное время» различные религіозныя колѣбанія въ вѣрѣ и сомніи, неустойчивое двоедущіе и безразличныя холодность? Гдѣ имѣетъ свой «начальный исходъ» мертвенный абстрактно-философскій раціонализмъ, придающій божественному откровенію «значеніе только человѣческаго авторитета», превращающій христіанство въ какую то странную «метафизическую проблему» и, такимъ образомъ, приводящій людей къ дикому безбожію и отчаянному повѣрію? Гдѣ «религіозно-философская основа» самонадѣяннаго мистицизма, считающаго человѣчскія ученія «божественнымъ откровеніемъ», а также болѣзненного квітизма и сентиментальнаго піэтизма? Откуда происходитъ суровый философскій морализмъ, отвергающій «догматико-созорцательную сторону» въ понятіи и жизни божественнаго откровенія? Откуда «религіозный индифферентизмъ», все болѣе и болѣе захватывающій жизнь современныхъ человѣческихъ обществъ и цѣлыхъ народовъ, забывающихъ возвышенные идеалы и заботящихся только о своихъ матеріальныхъ нуждахъ и выгодахъ? Гдѣ причина современнаго «религіозно-философскаго эклектизма» или иначе «синкретизма», стремящагося путемъ механическаго соединенія разнородныхъ религіозно-нравственныхъ ученій «образовать» какую то «универсальную философскую религію»? Откуда религіозный фанатизмъ,—эта «слѣпая вѣра», содержащая своихъ почитателей въ «религіозно-нравственномъ младенчествѣ», а равно и многіе другіе пороки, находящіеся въ сектантствѣ всякаго рода и вида, своевольно отдѣляющагося отъ «единства духа» (Еф. 4, 3) православной церкви и, въ сущности, возвѣщающаго «вѣроломство подъ предлогомъ

вѣры»⁶⁾. Откуда новое «языческое многобожіе», отчаянное отпаденіе отъ вѣры Христовой, страшное богоотступленіе, обнаруживающееся нынѣ въ нѣкоторыхъ странахъ Западной Европы, гдѣ люди всячески отрекаются отъ Евангелія Христова и переходятъ въ «поганскую вѣру» или, за невозможностію «совершеннаго отрицанія» откровенія Божія, вымыслили «свою вѣру», свое «вѣроисповѣданіе»... Если доходить до первоначала, до «коренной причины» всѣхъ и всяческихъ религіозно-нравственныхъ и научно-философскихъ антихристіанскихъ и антицерковныхъ ученій, то должно сказать, по всей справедливости, что всѣ онѣ суть ближайшія или же отдаленнѣйшія слѣдствія однихъ и тѣхъ же, т. е. «превратныхъ взглядовъ» на источники и нормы христіанскаго откровенія въ его ученіи и жизни. Мутный и зараженный всяческими нечистотами источникъ не можетъ дать воды чистой, живой и годной для питія, «текущей въ жизнь вѣчную» (Іоан. 4, 14). Таковъ непреложный «законъ царства природы»; таковъ же и всеобъемлющій «законъ царства благодати Христовой», т. е. церковно-религіозной вѣры, жизни и мысли. Съ этой стороны строго научное изслѣдованіе богооткровенныхъ источниковъ и нормъ должно дать намъ «необходимое оружіе для борьбы» со всяческими врагами нашего спасенія, нашей вѣры и нашей церкви. «*Все испытывайте, хорошее держитесь*» (1 Фес. 5, 21), и «*будьте всегда готовы всякому, требующему у васъ отчета въ вашемъ упованіи, дать ответъ съ кротостію и благоуміемъ*» (1 Петр. 3, 15). Эта апостольская заповѣдь въ наше время, время грубаго невѣрія и всяческихъ еретическихъ «возстаній и шатаній», всюду и во всемъ должна стоять на первомъ планѣ.

Итакъ, богословскій вопросъ объ источникахъ божественнаго откровенія или, — точнее сказать, — *христіанскаго вѣроученія*, безспорно, есть самый первый, самый главный и самый существенный пунктъ православно-научнаго міросозерцанія. Это какъ бы православно-богословское *πρόλογος*, какъ бы нѣкая *μύνα ὑπόθεσις* православно-богословской гносеологій и методологій. Здѣсь сосредоточивается все «внутреннее существо» *православно-церковнаго вѣдѣнія*, во всѣхъ его частяхъ, со всѣхъ сторонъ. Здѣсь планомерно распредѣляются всѣ наши мысли о единствѣ, цѣлости и самобытномъ характерѣ христіанскаго вѣроученія. Это какъ бы «центральный пунктъ» всего православнаго богословія, прежде другихъ вопросовъ подлежащій всестороннему изслѣдованію и раскрытію. Это *conditio sine qua non* цѣлостной системы истинно-церковнаго *огашенія* въ основныхъ истинахъ вѣры. Здѣсь именно совокуплены всѣ методологическіе пути, необходимо ведущіе къ вселенски-церковному «*торжеству*

⁶⁾ Св. *Кипріанъ Карфагенскій*, Творенія ч. II (Кіевъ, 1891 г.), кн. «О единствѣ церкви», стр. 178.

православія надъ всѣми антихристіанскими ученіями и воззрѣніями. Здѣсь какъ бы открывается *«законъ царскій»* (Іаков. 2, 8), по которому должны двигаться и совершенствоваться всѣ богословскія науки въ своемъ «нормально-историческомъ развитіи». Поэтому то ни одинъ пунктъ не имѣетъ столь важнаго, всеобъемлющаго *апологетическаго значенія* при научномъ опредѣленіи вопросовъ, касающихся православно-богословскаго знанія (въ его характеристическихъ чертахъ и авторитетѣ), какъ разсматриваемый нами вопросъ. И кто отвергаетъ этотъ вопросъ или, подъ различными предлогами, уклоняется отъ его положительнаго рѣшенія, такой теплохладный изслѣдователь—уже ни «поборникъ фалатическаго певфріа», ни «любитель истинной мудрости». Гдѣ нѣтъ одного точнаго и яснаго понятія объ источникахъ вѣроученія,—какъ, напр., въ рационалистическихъ и мистическихъ сектахъ,—тамъ не можетъ быть и рѣчи о божественномъ достоинствѣ, объ истинныхъ основахъ и достовѣрныхъ органахъ христіанской вѣры и жизни. Первоначально нужно всесторонне изучить и уяснить вопросъ о сущности и происхожденіи христіанскаго вѣроученія (въ его источникахъ и нормахъ), чтобы навсегда устранить всякую возможность колебаній и сомнѣній относительно его абсолютной истины и исторической достовѣрности. Въ настоящее время, когда для насъ «ипстала пора соединить вѣру съ знаніемъ и воплощать ихъ въ себѣ въ качествѣ полнаго, сознательнаго и единообразнаго міросозерцанія»⁶⁾, особенно необходимо самое тщательное *научно-богословское изслѣдованіе* указаннаго вопроса. Это потребно для «безусловнаго подтвержденія» нашей вѣры въ богооткровенное ученіе, хранимое въ нашей церкви. *«Се есть животоъ выныи, да знаютъ Тебе единая истинная Бога, и Ею же послалъ еси Иисусъ Христа* (Іоан. 17,3). Вотъ въ чемъ *общій богословскій интересъ* религіозно-философскаго вопроса объ источникахъ, нормахъ и принципахъ христіанскаго откровенія и вѣры церковной, догматико-гносеологическая сущность его.

Но этотъ столь важный вопросъ обыкновенно подвергается различнаго рода сомнѣніямъ, возраженіямъ и недоумѣніямъ. Всѣ христіанскія вѣроисповѣданія и секты, какъ бы по нѣкоторому общему соглашенію, принимаютъ писаніе въ качествѣ главнѣйшаго источника вѣроученія и руководительнаго начала въ дѣлѣ богословскаго знанія о немъ. Теоретическое и практическое значеніе писанія здѣсь служить общимъ гносеологическимъ началомъ (принципомъ), въ которомъ своеобразно устанавливается и изслѣдуется вопросъ объ источникахъ и нормахъ христіанской истины и религіозной жизни. Всѣ христіанскія вѣроисповѣданія и секты, не довольствуясь однимъ писаніемъ, также признаютъ и другіе

⁶⁾ Преосп. *Амвросій*, архіеп. Харьков., Ложныя мысли, бродящія въ нашемъ образованномъ обществѣ «Харьков. Епарх. Вѣд.» за 1883, № 14, стр. 219.

источники откровеннаго ученія, опредѣляющіе жизненные отношенія ихъ къ богословской вѣрѣ и знанію. И однако же почти всѣ они строго различаются между собою въ выборѣ и утвержденіи гносеологическаго значенія и авторитета этихъ «вѣщ-библейскихъ источниковъ и нормъ», въ постановкѣ и опредѣленіи ихъ внутреннего достоинства и цѣнности въ области религіознаго сознанія и нравственной жизни⁷⁾.

Въ числѣ этихъ то «спорныхъ и недомѣсливыхъ источниковъ» религіозно-христіанскаго знанія важнѣйшее мѣсто занимаетъ *преданіе*. Вопросъ о его догматико-каноническомъ авторитетѣ и гносеологическомъ значеніи составляетъ «неогданный предметъ» всевозможныхъ пререканій, нападеній, сомнѣній и отрицаній со стороны «инакомыслящихъ». Здѣсь то прежде всего и находится одно изъ серьезнѣйшихъ богословскихъ побужденій къ научному изслѣдованію и изложенію этого вопроса. Поэтому нмѣ однимъ мы и ограничиваемъ въ настоящемъ случаѣ объемъ нашихъ научно-богословскихъ интересовъ. Основнымъ предметомъ нашего труда

⁷⁾ Такъ, напр., римско-католики съ одинаковымъ «чувствомъ благоговѣнія и вѣры» принимаютъ какъ догматико-каноническія постановленія *римскаго неперосвященника*, такъ и *заповѣди Божіи*, выраженныя въ словѣ Божіемъ. Но многихъ служатъ *parae autoritas* даже *major est autoritate scripturae* (мнѣніе *Калликста* о римской системѣ см. у *Gass'a*, *Geschicht. der prot. Dogmatik*, I, p. 117). Протестанты также признають *кромѣ* или *сверхъ* писанія еще особое *testimonium Spiritus Sancti* (см. у *Klaiber'a*, *Die Lehre der alten protestant. Dogmatiker von dem testimonium Spiritus Sancti und ihre dogmat. Bedeutung*. *Jahrbuch. für deutsche Theologie*, II, 1857, в. 1—54). Этотъ «мистическій принципъ»—корень отрицательнаго схода протестантизма съ католичествомъ. Извѣстно, что руководясь этимъ «свидѣтельствомъ Духа Святаго», Лютеръ и другіе реформаторы говорили о своихъ религіозныхъ «видѣніяхъ», какъ о какихъ то новыхъ «небесныхъ откровеніяхъ» (*K. R. Hagenbach*, *Lehrbuch der Dogmengeschichte*. Leipzig, 1857, § 241, в. 557). Здѣсь особенно «наглядно» видна «скрытая мысль» протестантовъ о недостаточности одного «вѣщнаго слова Божія» для религіознаго познанія. Изъ протестантскихъ сектъ—*кванеры* кромѣ писанія обращаются еще къ *внутреннему слову*. (*das innere Wort*) или вѣрнѣе *«внутреннему озаренію»* (*illuminatio interna*), и не только подчиняють ему само писаніе, но даже отвергаютъ его авторитетъ во многихъ пунктахъ своихъ ученій, поставляя его выше разума и библіи (мистическій супранатурализмъ). Объ этомъ см. у *Hagenbach'a*, *op. cit.* в. 559. *Социніане* указываютъ независимое отъ писанія мѣсто «субъективному разуму», усвоивъ ему верховное право деспотическаго суда надъ Божественною истиною. Уваженіе къ библіи займнется авторитетомъ разума, а толкованіе ея поставлено въ зависимость отъ «истинъ разума» (социніанскаго!). Отсюда безпощадный «раціонализмъ» (*Ibid.* § 242, в. 560—561). *Протестанты*. (*Thiersch*, *Vorlesungen über Katholizismus und Protestantismus*, 1846) и *мормоне*—ихъ двойники—признають помимо писанія *субъективный опытъ* въ качествѣ источника «новыхъ откровеній». Изъ протестантскихъ сектъ неого поучительнѣе въ разсматриваемомъ отношеніи *сведенборгіане*, признающіе *«внутреннее чувство»* (*sensus internus*) закономъ вѣры и знанія, а сужденія своего основателя однороднымъ съ писаніемъ потокомъ (*I. H. Holtmann*, *Kanon und Tradition. Ein Beitrag zur neueren Dogmengeschichte und Symbolik*. Ludwigsburg. 1859. § 43, в. 343).

мы поставляемъ, по возможности, подробное и обстоятельное разсмотрѣніе и изложеніе православно-церковнаго ученія объ одномъ только источникѣ *новозавѣтнаго ученія*, извѣстномъ подъ общимъ именемъ преданія. Съ этой стороны существенная особенность нашей работы сама собою опредѣляется вышеуказаннымъ положеніемъ нашего вопроса въ общей системѣ христіанскаго вѣроученія.

Но, чтобы лучше ориентироваться и получить «приблизительное понятіе» о нашемъ вопросѣ, сперва бросимъ *общій взоръ на исторію ученія о преданіи*. Исторія всякаго вопроса—вообще важна для положительнаго его ученія.

Сектанты, еретики и раскольники всегда отвергали догматическій авторитетъ церковно-религіознаго преданія. Это вполне подтверждается многовѣковой исторіей сектъ, ересей и расколовъ древняго времени, среднихъ вѣковъ и новаго періода.

Уже въ *вѣкѣ апостольской* мы находимъ много лжеучителей, отвергавшихъ религіозный принципъ и источникъ преданія⁸⁾. Объ однихъ изъ нихъ есть нѣкоторыя упоминанія въ самомъ новозавѣтномъ писаніи (см. посланіе къ Колоссянамъ, наставскія посланія: 2 Тим. 2, 17—18, 28;—Дѣян. 8 и Апок. 2, 6, 14—15), а о другихъ говорятъ древне-церковные писатели⁹⁾. Но такъ какъ о личности современныхъ апостоламъ еретиковъ многое находится въ совершенной темнотѣ, то при недостаткѣ историческо-достоверныхъ данныхъ, съ трудомъ можно вывести характеристическія черты и ихъ лжеученій по вопросу о преданіи. Впрочемъ, одно несомнѣнно, что все они какъ въ ученіи, такъ и въ жизни удалялись отъ апостольскаго «*образа здравыхъ словесъ*» (2 Тим. 1, 13) и поэтому были «злехудожными противниками» церкви Христовой и ея преданія. Еретики *II вѣка*—полудуизмствующіе *гностики* не принимали вселенскаго преданія въ качествѣ догматическаго источника по имя своего «тайнаго преданія» (*absconditum misterium*), т. е. своего сектантскаго ученія¹⁰⁾. Самозагуленные визионеры—*монтанисты* не придавали существенной важности преданію по причинѣ своего субъективно-мистическаго принципа—«новыхъ откровеній», или фантастическаго вдохновенія (*μανία*) отъ «параклета» и естественнаго разума своихъ экзальтиро-

⁸⁾ О ересяхъ и ересiarхахъ апостольскаго вѣка см. у *Heandera*, *Apostol. Gesch.* Bd. 2, *Böhmer'a*, *Isagoge in Ep. a Paulo Ap. ad Coloss. datam*, 1829 и *F. Ch. Baur'a*, *Die sogenannten—Pastoralbriefe des Apostol. Paulus, aufs Neue kritisch untersucht*, Stuttg. 1835. Изъ старыхъ источниковъ, но не устарѣвшихъ съ. *Th. Ittig*, *De haereticis aevi apostolici*. Lips. 1690. 1703. 4.

⁹⁾ См. *Труди философа* (Apol. I, с. 56), св. *Приміи Люксійскій*, Противъ ересей, 1, 23, 24, 26. *Климентъ Александр.* (Strom. II, 14; VII, 17), *Оригенъ* (Contra Cels. I, 57), *Евсевій* (H. E. III, 26) и св. *Епифаній Кипрскій* (Haer. 21).

¹⁰⁾ См. *Примей*, Противъ ересей III, 2, 1 и слѣд. *Тертуліанъ*, De praeser. haer. с. 17.